

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2018»

Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.

ЧТО БУДЕТ, ТО (И) БУДЕТ: ОБ ОДНОМ КЛАССЕ ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ^{1,2}

Вилинбахова Е. Л. (e.vilinbakhova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются коррелятивные тавтологические конструкции вида *что будет, то (и) будет*, где придаточное предложение предшествует главному, а содержание обеих частей материально совпадает. При анализе материала из Национального корпуса русского языка и интернет-источников обнаруживается ряд нетривиальных особенностей, присущих данным конструкциям. Так, некоторые тавтологии в разных контекстах передают противоположные значения: *что было, то было* может интерпретироваться и как 'то, что это действительно было, нельзя отрицать' [Булыгина, Шмелев 1997], и как готовность забыть о прошлом в интересах будущего [Активный словарь русского языка]. Далее, частица *и* в главном предложении допустима в одних тавтологиях, но неприемлема в других. В работе предлагается объяснение указанным фактам путем выделения четырех возможных значений на основании двух оппозиций: (а) находится ли описываемая ситуация в фокусе внимания говорящего или выводится из него; (б) является ли прочтение конструкции генерическим или конкретно-референтным.

Ключевые слова: языковые тавтологии, коррелятивы, русский язык, микросинтаксис, семантика, прагматика

---

¹ Автор выражает признательность Кристине Крушинской за помощь в сборе материала и Сереже Саю за ценные наблюдения, а также анонимным рецензентам за их комментарии и предложения по доработке статьи.

² Работа поддержана грантом СПбГУ № 31.11.48.2017, грантом Президента Российской Федерации № МК-713.2017.6 и грантом Министерства экономики и конкурентоспособности Испании № FFI2015-64397-P (проект SPIRIM).

ЧТО БУДЕТ, ТО (И) БУДЕТ: ON ONE PATTERN OF TAUTOLOGIES IN RUSSIAN

Vilinbakhova E. L. (e.vilinbakhova@spbu.ru)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

This paper contributes to the debate on the analysis of linguistic tautologies—structures that state an unquestionable truth by virtue of their logical form and therefore require a reinterpretation to be informative. While there is a great number of studies of nominal tautologies of the form ‘*X is X*’, clausal tautologies, i. e. conditionals ‘*if P, P*’, disjunctives ‘*either P or not P*’, free relatives ‘*P, what P*’, etc., are given less attention. This paper investigates one of such patterns, namely, correlative tautologies, where the subordinate clause precedes the main clause, that could be exemplified by the expression *что будет то (и) будет* lit. ‘what will be that (EMPH) will be’. The data taken from the Russian National Corpus and Internet as well as dictionary definitions show that tautologies of this kind exhibit various peculiar properties. First, some correlative tautologies can receive opposite interpretations in different contexts, i. e. *что было, то было* lit. ‘what has been that has been’ can mean both ‘this fact cannot be denied’ [Bylugina, Shmelev 1997] or ‘the past should be forgotten for the sake of the future’ [Active Dictionary of Russian]. Next, the particle *и*, which is commonly used in Russian correlatives, cf. [Mitrenina 2010], is acceptable for some tautologies but not licensed in others. I argue that for correlative tautologies the crucial ingredient is salience of the situation in question as presented by the speaker that, along with specific vs. generic readings available, results in four possible strategies of their interpretation.

Key words: tautologies, correlatives, Russian language, microsyntax, semantics, pragmatics

1. Вводные замечания

Языковые тавтологии вида *Жизнь есть жизнь* рассматриваются в лингвистических исследованиях уже более сорока лет (см. библиографию в [Rhodes 2009; Snider 2015]). Наиболее активно изучаются тавтологии вида *X cor X*, однако упоминаются и другие разновидности: условные *если P, то P*; взаимноисключающие *P или не P*; относительные *P, что P*, см. [Ward, Hirschberg 1991; Meibauer 2008].

В данной работе на материале Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и интернет-источников будут рассмотрены конструкции вида (1–3), где придаточное предложение предшествует главному, а содержание обеих частей материально совпадает.

- (1) *Менеджеры стали безынициативны, один-двое что-то предлагали, остальные как кролики на удава смотрели: мол, что будет, то и будет.*

[Наталья Филатова. Офис в кризисе. Как «трудовой планктон» переживает потрясения эпохи // «Русский репортер», № 25 (104), 02–09 июля 2009, 2009]

- (2) *Кабанов расстарался и весьма красочно изобразил жаргон, детально — вооружение-снаряжение-амуницию спецназа и террористов. **Что знает, то знает.** Ни отнять, ни прибавить.* [Андрей Измайлов. Трюкач (2001)]
- (3) *Я постоянна в своих симпатиях, тем более сложившихся близких и теплых отношениях и уж **кого люблю, того люблю.***³

В классификации относительных предложений А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой данные примеры относятся к предложениям бессубстантивного класса архаического типа релятивизации (с инверсией подчинения), см. [Zaliznyak, Paducheva 1975]. Также в литературе представлены обозначения *местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения, примыкающие относительные предложения* и некоторые другие, см. [Belyaev 2014:116], а наиболее распространенным является термин *коррелятивные конструкции*, или *коррелятивы*, см., например, [Lyutikova 2008; Nikunlassi 2008; Mitrenina 2008, 2010, 2012; Belyaev 2012 и др. работы; Inkova 2013; Kholodilova 2014]. Таким образом, рассматриваемые здесь структуры будут обозначены как коррелятивные тавтологии (далее — КТ⁴).

Даже при беглом взгляде на примеры (1–3) бросаются в глаза различия в передаваемых оттенках значения. Так, в (1) КТ описывает равнодушие сотрудников и их нежелание участвовать в решении проблем компании, ср. с конструкцией *будь что будет*, которая выражает «граничащее с фатализмом безразличие к результату действия или бездействия говорящего» [Iomdin 2017:165]. В (2) КТ подчеркивает достоверность описываемого факта. Наконец, в (3) возможно прочтение КТ в качестве условной (что характерно для коррелятивов в целом, см., например, [Arsenijević 2009] и ссылки, приводимые в [Lupták 2009:26]) с указанием на полноту признака: ‘если я кого-то люблю, то люблю его в полную силу’; подтверждение любви к конкретным людям, упомянутым раньше, как в (2)⁵; выражение отношения субъекта к сообщаемому, как в (1): ‘люблю именно тех, кого люблю, и с этим ничего не поделаешь’ и т. д.

³ Примеры взяты из Интернета, если не указано иное. Из соображений краткости адреса не указаны, но, разумеется, в материалах они присутствуют. Орфография и пунктуация оригинала почти полностью сохранены.

⁴ Следует оговорить, что в работе анализируются только относительные коррелятивы; за рамками остались примеры КТ со значением времени (i), количества (ii), и т. п.; думается, однако, что полученные выводы можно распространить и на указанные случаи.

(i) *Война, война... Это еще неизвестно, когда будет война. Когда будет — тогда будет! Это север!* [Константин Симонов. Беседы с Адмиралом Флота Советского Союза И. С. Исаковым (1962)]

(ii) *Радиоголовы выложили альбом с условием «сколько заплатишь — столько заплатишь»*

⁵ См. (i), где объект любви называется:

(i) *Но вот возьмем мы, скажем, Людвига ван Бетховена! (кого люблю — того люблю!)*

Также в (1) имеется частица *и*, которая, как отмечает О. В. Митренина, широко распространена в коррелятивных конструкциях в русском языке в позиции после коррелята; она «не является обязательной и может быть в большинстве случаев опущена, но тогда предложение звучит менее естественно» [Mitrenina 2010:149, прим. 5] (перевод мой — ЕВ). Тем не менее, если мы подставим данную частицу в (2'), то как раз ее присутствие делает предложение менее естественным, а в (3') склоняет слушателя в пользу последней из указанных интерпретаций.

(2') *Кабанов <...> красочно изобразил жаргон, детально — вооружение-снаряжение-амуницию спецназа и террористов. Что знает, то (?и) знает. Ни отнять, ни прибавить.*

(3') *Я постоянна в своих симпатиях, <...> и уж кого люблю, того и люблю.*

В работе предпринимается попытка описать характеристики КТ в русском языке и дать возможные объяснения некоторым их свойствам. В разделе 2 дана история вопроса; в разделе 3 обсуждаются структурные и семантические свойства КТ; в заключении представлены итоги исследования.

2. История вопроса

Анализ КТ в литературе впервые⁶ встречается в работах А. Вежбицкой, см. [Wierzbicka 1987, 1991]. Она рассматривает тавтологии с заполненными переменными — аналоги выражений *что было, то было* и *что будет, то будет* в ряде языков, и продуктивную синтаксическую модель в польском языке *Ale co S to S* 'Но что *S*, то *S*', отмечая, что в первом случае описываемая КТ ситуация оценивается как отрицательная, а во втором как положительная [Wierzbicka 1991:431–437].

В [Sonnenhauser 2017] рассматривается немецкая КТ *Wer kann, der kann* букв. 'Кто может, тот может', у которой выделяется две дискурсивные функции: усиление высказываемой мысли (англ. *reinforcement*), или ее обоснование (англ. *justification*).

На русском материале Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что польский оборот *Co było to było* соответствует русскому *что было, то сплыло; что было, то прошло*, а не формальному аналогу *что было, то было* со значением 'то, что это действительно было, нельзя отрицать', ср. с оборотами *что правда, то правда* и *что есть, то есть* [Bulygina, Shmelev 1997: 445]; см. также [Paducheva 1991] и [Krushinskaya 2017].

⁶ Из соображений краткости история вопроса приводится в сжатом виде, однако следует отметить, что КТ мельком упоминаются в ряде публикаций, посвященных т. н. «сравнительным тавтологиям» (вроде *The fact that John is as tall as he is disturbs me* букв. 'Тот факт, что Джон такой высокий, какой он есть, меня беспокоит') и их возможным прочтениям *de re* и *de dicto*, в 1970-х гг в журнале «Лингвистические исследования» (*Linguistic Inquiry*), см. библиографию в [Horn 1981], а также в [Ward, Hirshberg 1991, Rhodes 2009].

Некоторые КТ в русском языке фиксируются в словарях, см.:

Что было, то было [Обычно в прямой речи] Говорящий заявляет, что готов забыть о том плохом, что было в прошлом, в интересах будущего⁷ [ADR: 400].

Что есть, то есть Разг. Экспрес. Согласен; действительно так [Fedorov 2008].

Что будет, то будет [Обычно в прямой речи] Говорящий заявляет, что готов принять любой исход имеющих место событий [ADR: 400]; разг. О действии, предпринимаемом наудачу [Fedorov 2008].

Также даны КТ **что выросло, то выросло** [Serov 2003], **что правда, то правда** [Ozhegov, Shvedova 1992], **что верно, то верно** и **что да, то да** в словаре синонимов [Trishin 2013] в ряду с выражениями *истинная правда, так оно и есть, подлинно* и пр., **чего нельзя того нельзя, да уж я что знаю, то знаю** в «Пословицах русского народа» [Dal’ 1879/2000].

Таким образом, в литературе чаще всего предлагается описание КТ с заполненными переменными, которые имеют статус устойчивых и фиксируются в словарях. В данной работе рассматриваются в первую очередь продуктивные модели КТ.

3. Общие свойства коррелятивных тавтологий в русском языке

3.1. Структурные свойства КТ

В структурном отношении встреченные в материалах КТ демонстрируют большее разнообразие, чем КТ, описанные в литературе и словарях: так в рассмотренных выше примерах чаще всего представлена релятивизация подлежащего и прямого дополнения, хотя в КТ релятивизируются и другие синтаксические позиции, см. (4–5).

- (4) *И не важно, что только троим из нас достанутся премии. Кому дадут, тому дадут. Главное, что все достойны, работы всех замечены.*
- (5) *Без чего не могу, без того не могу... — довольным голосом проговорил Дэго, забирая книжку.*

Также встретились КТ, где релятивизируются более одной позиции, что является одним из характерных свойств коррелятивов в целом [Lipták 2009: 5], см. (6). Поскольку мы имеем дело с тавтологиями, и в простых, и во множественных КТ происходит релятивизация одних и тех же позиций — условие, необязательное для прочих «нетавтологических» коррелятивов, см. (7).

---

⁷ Как видно, данная трактовка отличается от указанной в [Падучева 1991] и [Булыгина, Шмелев 1997] и соответствует польскому аналогу.

- (6) *Давайте кто что сделает, тот то и сделает. А голосовать бум [будем] за конкретных кукол.*
- (7) *Ну / кому что надо / тот то и приватизировал.* [Беседа в Новосибирске (2000.08.15)] (пример из [Лютюкова 2008:23, № 168])

Отметим, что в КТ полное совпадение главного и придаточного предложения встречаются далеко не всегда. Возможна ситуация, когда в первой «копии» представлено полное предложение, а во второй — только предикативная вершина⁸, см. (8–9). Таким образом, полное совпадение — это частный случай, когда подчиненное предложение совсем короткое.

- (8) *Но что Петров накаркал, то накаркал: ни единого всхода не дал посев, словно это Молочкову приснилось, что он сажал в мае месяце лук-порей.* [Вячеслав Пьецух. Летом в деревне // «Новый Мир», 2000]
- (9) *Что было в Уфе, то было, уже ничего не изменить. Нужно начинать всё заново.*

В целом, в структурном аспекте КТ укладываются в рамки существующих описаний коррелятивов в русском языке с учетом отдельных особенностей (например, невозможность релятивизации несовпадающих синтаксических позиций в главном и придаточном предложениях), следующих из их тавтологической природы.

3.2. Семантические свойства КТ

Обращаясь к семантике КТ, следует отметить, что коррелятивные конструкции относятся к особому семантическому классу относительных предложений, который выделяется наряду с классами рестриктивных (где придаточное предложение ограничивает экстенционал именной группы в главном) и аппозитивных (где этого ограничения не происходит) предложений и обозначается как «максимализирующий» (термин введен в [Grosu, Landman 1998]), т. е. «ситуация в зависимой клаузе с необходимостью оказывается верна для всего множества участников, описываемых относительной конструкцией» [Kholodilova 2014:§3.2.1]. Как пишет О. В. Митренина, это справедливо и для русских коррелятивов, которые могут отсылать либо к конкретному объекту, либо ко всему множеству объектов в целом [Mitrenina 2012:64].

Для встреченных ранее КТ, где речь идет о конкретном референте, см. уже приводимый выше пример (10), можно предложить следующее толкование: 'Говорящий утверждает, что в отношении участника X имеет место ситуация P⁹; ситуация P реализуется в полной мере'.

- (10) — *Но вот возьмем мы, скажем, Людвиг ван Бетховена! (кого люблю — того люблю!)*

⁸ Автор благодарен за это наблюдение С. Саю.

⁹ Термины *участник* и *ситуация* используются в трактовке [Paducheva 2004:52].

Следует отметить, что давать характеристику конкретному референту могут и тавтологии, устанавливающие тождество, см. (11).

- (11) *И, учитывая инф[ормацию] о религиозности Баха, это всё для него были не пустые слова и он старался (несмотря на то, что выдавал на гора по кантатам в неделю, но тут уж Гений есть Гений), чтобы кантаты выполняли это «целеполагание» ‘гений — это Бах’*

Однако, как отмечает Е. В. Падучева, в данном случае категоризация не есть ассерция:

Сложность смысла высказывания *X есть X* обусловлена тем, что содержательно главный компонент ее значения — *x* относится к категории *X* — присутствует в ее толковании в статусе За кадром; участник *x* по поводу которого делается высказывание в поверхностной структуре не отражен [Падучева 2004: 105].

Таким образом, если анализировать КТ по аналогии с тавтологиями *X есть X*, то в подобных примерах следует постулировать генерическое прочтение, когда происходящая с референтом ситуация выступает как конкретная манифестация утверждаемой закономерности.

В пользу такой трактовки говорит пример (12)¹⁰ из романа Марининой, где в диалоге следователя и подозреваемого, который рассказывает на допросе, как он похитил некую жертву, в какой-то момент возникают следующие реплики:

- (12) — *После субботы я этого кренделя в глаза не видел.*
— *Ну да, — кивнул Антон, — а в воскресенье убил его. За что, Гриша? Что он тебе сделал?*
— *Уби-ил? — недоверчиво протянул Дубинюк. — Э, нет, начальник, так не пойдет. Что мое — то мое, упираться не стану, вон командир велел признаваться — его слово закон. А чужого мне не шей.*
[Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]

Далее КТ *что мое — то мое* повторяется еще несколько раз. В данном случае, КТ одновременно отсылает к конкретному факту похищения, в котором и признается подозреваемый, и используется героем как общая характеристика ‘я признаю все свои проступки’, что увеличивает доверие к отрицанию более сильного утверждения — обвинения в убийстве.

И все же думается, что в случае с КТ данные интерпретации следует разделять, т. к. они отличаются наличием (для генерического прочтения) смыслового компонента ‘возможно’, т. е. гипотетической возможности нереализации описываемой ситуации, общего с условными предложениями, см. толкование союза *если*, например, в [Санников 2008:414 и след.; Урысон 2011:15 и след.]. Так, есть вероятность, что в (3) героиня одинока, и ситуация (настоящей) любви не имеет места в действительности из-за отсутствия любимых людей,

¹⁰ Автор благодарен за привлечение данного примера в качестве аргументации С. Саю.

а автодескрипция *что мое* — *то мое*, произнесенная до ситуации признания похищения, остается без конкретных подтверждений. Прочие компоненты толкования сохраняются.

Тем не менее, для некоторых примеров данного анализа оказывается недостаточно: он не учитывает отношения говорящего к сообщаемому, которое передается в (1) и (13–14).

(13) *Будем атаковать. Только чур без обид. Кого выберет, того выберет.*

[Олег Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)]

(14) *Два дня продолжалась лихорадочная переработка добытого. Что успели, то и успели.* [Владимир Солоухин. Третья охота (1967)]

Из компонентов значения КТ, представленных в литературе и словарях, к данным примерам подходит: 'готовность принять любой исход имеющих место событий' из толкования *что будет, то будет* в [ADR:400], а также часть толкования *будь что будет*, не относящейся к КТ, 'безразличие к результату', см. [Iomdin 2017:165].

Кажется, эти компоненты и указанное выше толкование КТ строятся по разным принципам (описание отношения говорящего vs. описание ситуации), т. е. не являются взаимоисключающими, но в ряде случаев они оказываются прямо противопоставлены друг другу. Например, как было упомянуто в разделе 1, в КТ с выражением отношения используется *или*, по крайней мере, может быть добавлена частица *и*, а в КТ, описывающих ситуацию, она чаще всего не допускается, см. (2') и (12').

(12') *Э, нет, начальник, так не пойдет. Что мое — то (²и) мое, упираться не стану,*

Исходя из существующих описаний частицы *и*, см. [Shimchuk, Shchur 1999, Uryson 2011], можно выделить следующие наблюдения, которые, как представляется, имеют отношение к рассматриваемым примерам: указание частицы *и* на тождество объектов или ситуаций [Shimchuk, Shchur 1999:69; Uryson 2011:271 и след.] и несовместимость с выражениями *совершенно, полностью, начисто* [Uryson 2011:270].

Первое свойство, указание на тождество, казалось бы, полностью соответствует тавтологической природе рассматриваемых конструкций. Тем не менее, при более внимательном анализе оказывается, что КТ, описывающие ситуацию, являются т. н. псевдотавтологиями, поскольку второй повторяющийся элемент привносит новую информацию для слушателя, указывая на достоверность события и полноту его реализации, см. возможность опровержения (4), повторенного как (15a), в (15b).

(15) а. — *Без чего не могу, без того не могу...* — *довольным голосом проговорил Дэго, забирая книжку.*

б. *Это неправда, — возразил Дэви* [собеседник героя в цитируемом рассказе — ЕВ] — *ты без нее прекрасно обходился все это время / ты бы и не вспомнил о ней, если бы не я и т. д.*

Напротив, в КТ, описывающих отношение говорящего, тождество между элементами является полным, поэтому отрицанию подвергается импликатура, а не пропозициональное содержание, см. (16), где автор возражает против беспечного отношения адресата к последствиям своих действий.

(16) *В след[ующий] раз думай что из ситуации может получиться, а не что будет то будет.*

Второе свойство — неестественность употребления частицы *и* во фразах типа (17), т. е., несовместимость с компонентом ‘ситуация реализуется в полной мере’, указывает, что данный компонент как будто не должен использоваться в КТ, выражающих, скажем, безразличное отношение говорящего¹¹.

(17) *??Ты меня извини, я про это совершенно (полностью, начисто) и забыл*
[Uryson 2011:270, № 18]

Заметим, что данное противопоставление присутствует не только в КТ, но и в двух омонимичных конструкциях с тождественными словоформами, обозначенными в [Kopotev, Faynveyts 2007] как *X так X!* ‘полноты признака’ и *X так X* ‘неконтролируемого выбора’, см. возможные ответы (18b) и (18c).

(18) а. *Пойдем сегодня гулять?*
б. *Конечно! Поедем за город! Гулять так гулять!*
с. *Мне все равно... Гулять так гулять...*

Можно предположить, что такое противопоставление связано с тем, считает ли говорящий нужным удерживать описываемую ситуацию в фокусе внимания. В примерах КТ, выступающих как подтверждение истинности ситуации и указание на полноту ее реализации, ситуация находится в фокусе внимания говорящего¹². В прочих примерах говорящий указывает, что выводит ситуацию из фокуса своего внимания и/или призывает сделать это адресата, поэтому такие примеры нередко выступают маркером закрытия темы. Если же ситуация исключается из фокуса внимания, то полнота её реализации уже не имеет

¹¹ По наблюдению анонимного рецензента, на допустимость употребления в КТ частицы *и* также может влиять время глагола, например «что случится, то и случится» лучше, чем «что случилось, то (и) случилось». Оставляя этот вопрос для дальнейшего исследования, отмечу, что в материалах подобные примеры в прошедшем времени присутствуют, см. (i).

(i) «Значит, Господь такой жертвы потребовал». *Что случилось, то и случилось.* [Юрий Буйда. У кошки девять смертей (2000) // «Новый Мир», 2005]

¹² Анонимный рецензент поднял вопрос о способах проверки того факта, что ситуация находится в фокусе внимания. Кажется, одним из таких тестов может быть возможность интонационной и графической выделенности второго повторяющегося элемента, и ее меньшая приемлемость для КТ, исключающих ситуацию из фокуса внимания, см. (10) и (14), повторенные здесь как (i) и (ii):

(i) — *Но вот возьмем мы, скажем, Людвига ван Бетховена! (кого люблю — того ок ЛЮБЛЮ!)*

(ii) *Два дня продолжалась лихорадочная переработка добытого. Что успели, то и ??УСПЕЛИ.*

значения, поэтому данный смысловой компонент не встречается в соответствующих примерах.

Следует указать, что основанием такого исключения чаще всего является неконтролируемость описываемой ситуации (этот компонент характерен для тавтологий в целом), а сопутствующим передаваемым отношением оказывается безразличие к ее последствиям, готовность их принять и т. д.

Поскольку КТ со значением исключения ситуации из фокуса внимания также могут иметь конкретно-референтное и генерическое прочтения, различающиеся компонентом 'возможно', можно выделить четыре типа КТ, проиллюстрированные примерами (19–22), и сформулировать следующие толкования:

- 1) КТ₁ 'Говорящий утверждает, что в отношении участника X имеет место ситуация Р;
ситуация Р реализуется в полной мере;
ситуация Р находится в фокусе внимания говорящего', см. (19), а также (2, 5, 8, 10, 12)

(19) *Третье место. Жиркову за дриблинг, позволивший вывернуться из тисков двух соперников. Правда, проделал сие глубоко в середине поля. Но что умеет, то умеет — крепко освоенный навык не вязнет даже в рыхлом весеннем газоне.* [Юрий Цыбанев. Когда в ногах правды нет. Юрий Цыбанев попытался найти красоту в матче «Локо» — «Анжи» // Советский спорт, 2012.03.19]

- 2) КТ₂ 'Говорящий утверждает, что возможна ситуация Р, возможна ситуация не-Р;
говорящий представляет, что имеет место ситуация Р;
говорящий утверждает, что в рамках этой гипотезы (а) ситуация Р с необходимостью верна для всего множества участников X-ов; (б) ситуация Р реализуется в полной мере;
ситуация Р находится в фокусе внимания говорящего', см. (20), а также (3, 12).

(20) *Сара — ровесница дочки, характера довольно крутого. Но с кем дружит, с тем дружит, и тут кремень.*

- 3) КТ₃ 'Говорящий утверждает, что в отношении участника X имеет место ситуация Р;
говорящий считает правильным вывести ситуацию Р из фокуса внимания вследствие ее неконтролируемости¹³, см. (21), а также (9, 14).

(21) *Вообще было ошибкой брать ее с собой, но что сделано, то сделано.* [Михаил Гиголашвили. Чертовое колесо (2007)]

---

¹³ Отмечу, что для КТ₃ в будущем времени набор контекстов невелик, вроде гипотетической ситуации, когда будущие родители узнают при обследовании, что родится ребенок «не того» пола, и произносят (i).

(i) *Жаль, конечно, но уж кто родится, тот и родится.*

- 4) КТ₄ ‘Говорящий утверждает, что возможна ситуация Р, возможна ситуация не-Р;
говорящий представляет, что имеет место ситуация Р;
говорящий утверждает, что в рамках этой гипотезы ситуация Р с необходимостью верна для всего множества участников Х-ов;
говорящий считает правильным вывести ситуацию Р из фокуса внимания вследствие ее неконтролируемости’, см. (22), а также (1, 3’, 4, 6, 13).
- (22) *Надо с ребенком ходить на выставки. Что увидел, то увидел. Это как слушать музыку. Надо слушать музыку, чтобы ее понимать. Много слушать музыки.* [Ольга Андреева, Ирина Антонова. Жду зеленых листочков // «Русский репортер», 2014]

Следует также признать, что встретились КТ, которые не вполне укладываются в данные четыре типа¹⁴: в первую речь идет о примерах вроде (23), где интерпретация ‘одобряет / молчит в полной мере’ или ‘следует вывести ситуацию одобрения / молчания из фокуса внимания коммуникантов’ не вполне естественна. Представляется, что в подобных случаях не всегда можно говорить о нахождении в фокусе внимания говорящего (либо выведения из него) каждой из ситуаций по отдельности, поскольку в ряде случаев подчеркиваются прежде всего различия между ними¹⁵, хотя, разумеется, указанные значения могут и сохраняться.

- (23) *Некоторые могут подумать, что замалчивание не есть критика, но это неправильно, ибо кто одобряет, тот одобряет, а кто молчит, тот молчит.* [Аркадий Львов. Двор (1981)]

Количественное распределение продуктивных относительных КТ в основном корпусе НКРЯ (1945–1917 гг. создания текстов) дано в **Таблице 1**. Из рассмотрения были исключены лексикализованные КТ, указанные в разделе 2¹⁶, а также примеры, где используются разные языковые выражения¹⁷. Поскольку некоторые КТ одновременно отсылают к конкретному факту и выступают в качестве общей характеристики, как в примере (12) из романа А. Марининой,

¹⁴ Автор благодарен анонимному рецензенту за предложение внести данный комментарий.

¹⁵ То же справедливо для конструкций *Х есть Х* и *Х это Х*, когда в составе множественных сопоставительных тавтологий происходит нейтрализация их семантических различий, см. [Vilimbakhova 2016], ср. также перифразу (23) в (i):
(i) *Одобрение — это одобрение, а молчание — это молчание.*

¹⁶ Можно заметить, что значения лексикализованных КТ, отмеченные в литературе и словарях, укладываются в приведенные выше толкования: *что было, то было* в трактовке из [Булыгина, Шмелев 1997], а также *что есть, то есть, что правда, то правда*, и пр. относятся к КТ₁, но могут использоваться и как КТ₂; *что будет, то будет* и *что было, то было* по [АСРЯ 2014] могут употребляться как КТ₃ и КТ₄. О (не) соответствии значений лексикализованных КТ в текстах основного корпуса НКРЯ (1945–1917 гг. создания) словарным толкованиям см. [Krushinskaya 2017].

¹⁷ (i) *Поэтому Шершеневич любил повторять крылатую фразу Мережковского: «Что пошло, то и пошло».* [Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956–1960)]

количество КТ в разных прочтениях превышает количество собранных примеров (один пример может относиться к КТ₁ и к КТ₂).

В целом, можно отметить, во-первых, что КТ, описывающие ситуацию в фокусе внимания говорящего, и КТ, где ситуация выводится из него, встречаются в рассмотренных текстах практически в равной степени. Далее, большая часть примеров имеет конкретно-референтное прочтение, т.е. описывает отдельно взятую ситуацию. Наконец, представленность в корпусе сопоставительных КТ позволяет расширить категорию сопоставительных тавтологий в целом, и включить в качестве ее составляющих не только тавтологии, устанавливающие тождество, как это принято в предшествующих работах, но и пропозициональные тавтологии.

Таблица 1

Интерпретация	Продуктивные КТ
КТ ₁ (ситуация в фокусе внимания, конкретно-референтное прочтение)	51
КТ ₂ (ситуация в фокусе внимания, генерическое прочтение)	22
КТ ₃ (ситуация выводится из фокуса внимания, конкретно-референтное прочтение)	57
КТ ₄ (ситуация выводится из фокуса внимания, генерическое прочтение)	18
ДРУГОЕ (в частности, «нейтрализация», возможная в рамках сопоставительных КТ)	13
Σ	157

4. Заключение

В работе на материале НКРЯ и интернет-источников были рассмотрены структурные и семантические свойства тавтологических конструкций вида *что будет, то (и) будет*, обозначенных как коррелятивные тавтологии. Было выделено четыре типа конструкций на основании двух оппозиций: (а) находится ли описываемая ситуация в фокусе внимания говорящего или выводится из него; (б) является ли прочтение конструкции генерическим или конкретно-референтным.

Предложенное описание может быть полезным для задач автоматической обработки текста, в том числе RTE (Recognizing Textual Entailment ‘логический вывод по фрагменту текста’) и машинного перевода, в следующих аспектах¹⁸. Во-первых, полученные данные важны для анализа коммуникативной структуры соответствующих высказываний (о коммуникативной структуре см.,

¹⁸ Автор благодарен анонимному рецензенту, который затронул данный вопрос, за идею добавить соответствующий комментарий.

например, [Melchuk 2001; Yanko 2001] и др.). В частности, можно предположить, что один из типов, КТ₁, является реализацией т. н. фокуса *verum*, который фиксирует внимание адресата на достоверности описываемой пропозицией ситуации и исключении противоположной альтернативы ее неосуществления, см. библиографию в [Leonetti, Escandell-Vidal 2009]. Отмечу, что в английском и испанском языках аналогичная синтаксическая конструкция для выражения данного значения невозможна. Далее, описание структурных особенностей, и в том числе ограничений для ряда КТ, могут помочь при выведении правильных инференций для данных конструкций (о роли инференций, основанных на вероятных ожиданиях, для автоматической обработки текста на примере косвенных речевых актов, см. [Boguslavski et al. 2016]). Наконец, представленные данные могут внести вклад в моделирование общих процессов интерпретации семантически аномальных в буквальном смысле языковых выражений, которые, тем не менее, активно используются в коммуникации.

Литература

1. *Active dictionary of Russian* [Aktivnyj slovar' russkogo jazyka], Ju. D. Apresyan (ed.), Moscow, 2014, vol. 1–2.
2. Arsenijević B. (2009), {Relative {conditional {correlative clauses}}}, in Lipták A. (ed.) *Correlatives cross-linguistically*, John Benjamins, Amsterdam; Philadelphia, pp. 131–156.
3. Belyaev O. I. (2012), Correlative construction and relative sentences with an inner head in the Besermyan dialect of the Udmurt language [Korrelyativnaya konstrukcija i otnositel'nye predlozheniya s vnutrennej vershinoj v besermyanskom dialekte udmurtskogo jazyka], in Kuznecova A. I., Toldova S. Ju., Saj S. S., Kalinina E. Ju. (eds.), *Finno-Ugric languages: fragments of the grammatical description. Formal and functional approaches* [Finno-ugorskie jazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyj i funkcional'nyj podhody], Manuscripts of Ancient Rus' [Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi], Moscow, pp. 647–679.
4. Belyaev O. I. (2014), Book review of: Inkova, O., Hadermann, P. (eds.), (2013), *Correlation: Syntactic and Semantic Aspects* [La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques], Librairie Droz S. A., Genève, in *Topics in the Study of Language* [Voprosy yazykoznanija], Vol. 6, pp. 116–125.
5. Boguslavski I., Dikonov V., Frolova T., Iomdin L., Lazurski A., Rygaev I., Timoshenko S. (2016), Plausible Expectations-Based Inference for Semantic Analysis, in *Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence (ICAI)*, CSREA Press USA, Las Vegas Nevada, USA, pp. 477–483.
6. Bulygina T. V., Shmelev A. D., (1997), Linguistic conceptualization of the world (on the material of the Russian grammar) [Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki)], *Languages of Slavic Culture* [Jazyki slavyanskoy kul'tury], Moscow.
7. Dal' V.I. (1879 / 2000), *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people], Olma-Press, Moscow.

8. Grosu A., Landman F. (1998), Strange Relatives of the Third Kind, *Natural Language Semantics*, Vol. 6 (2), pp. 125–170.
9. Fedorov A. I. (2008), *Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language* [Frazеologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka], Astrel': ACT, Moscow.
10. Horn, L. R. (1981), A pragmatic approach to certain ambiguities, *Linguistics and Philosophy*, Vol. 4, pp. 321–358.
11. Inkova O. (2013), Domains of correlation in Russian [Domaines de corrélation en russe], in Inkova O., Hadermann P. (eds.), *The Correlation: Semantical and Syntactical Aspects* [La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques], Librairie Droz, Genève.
12. Iomdin L. L. (2017), What to do about constructions like what to do [Kak nam byt' s konstruksiyami tipa kak byt'], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2017"* [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii "Dialog 2017"], Moscow, Vol. 2, pp. 161–175.
13. Kholodilova M. A. (2014), *Relative Clauses* [Otnositel'nye predlozhenia], Materials for corpus-based grammar of Russian [Materialy dlya proyekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki], available at http://rusgram.ru/Относительные_придаточные
14. Kopotev M. V., Faynveys A. V. (2007), Izuchat' tak izuchat': synchrony and diachrony [Izuchat' tak izuchat': sinkhroniya i diakhroniya], *Scientific and technical information. Series 2, Informational processes and systems* [Nauchno-tehnicheskaya informatsiya, Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy], Vol. 9, pp. 29–37.
15. Krushinskaya K. S. (2017), *Tautologies in complex sentences on the material of the Russian language* [Tavtologii v slozhnopodchinennykh predlozheniyah na materiale russkogo yazyka], diploma paper, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
16. Leonetti M., Escandell-Vidal V. (2009), Fronting and verum focus in Spanish, in Dufter, A., Jacob, D. (eds.), *Focus and background in Romance languages*, Amsterdam: John Benjamins, pp. 155–204.
17. Lipták A. (2009), *The Landscape of Correlatives*, in Lipták A. (ed.), *Correlatives cross-linguistically*, John Benjamins, Amsterdam; Philadelphia, pp. 1–48.
18. Lyutikova E. A. (2008), Riddles of Russian relative sentences [Zagadki russkikh otnositel'nykh predlozhenij], paper presented at *Syntactic structures-2* [Sintaksicheskie struktury-2], Moscow.
19. Meibauer J. (2008), Tautology as Presumptive Meaning, *Pragmatics and Cognition*, Vol. 16, pp. 439–470.
20. Melchuk I. A. (2001), *Communicative Organization in Natural Language: The semantic-communicative structure of sentences*. Benjamins Academic Publishers, Amsterdam.
21. Mitrenina O. V. (2008), *Syntax of correlative constructions in Russian: a generative approach* [Sintaksis korrelyativnykh konstruksiy russkogo yazika s pozitsii generativnoy grammatiki], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2008"*

- [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii "Dialog 2017"], Moscow, pp. 356–361.
22. *Mitrenina O. V.* (2010), Correlatives: Evidence from Russian, *Formal Studies in Slavic Linguistics: Proceedings of Formal Description of Slavic Languages*, 7.5, pp. 135–152.
  23. *Mitrenina O. V.* (2012), The Syntax of Pseudo-Correlative Constructions with the Pronoun *Kotoryj* ('Which') in Middle Russian, *Slověne*, Vol. 1, pp. 61–73. Available at: www://slovene.ru/2012_1_Mitrenina.pdf
  24. *Nikunlassi A.* (2008), Adnominal relative constructions in contemporary Russian [Primestoimenno-otnositel'nye konstrukcii v sovremennom russkomazyke]. PhD thesis, University of Helsinki., Helsinki University Press, Helsinki.
  25. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* (1992), *Dictionary of the Russian Language* [Tolkovy slovar' russkogoazyka], Az, Moscow.
  26. *Paducheva E. V.* (1997), The phenomenon of Anna Wierzbicka, in: Wierzbicka A., *Semantics, Culture, and Cognition* [Yazyk. Kul'tura. Poznanie], Russian dictionaries [Russkie slovani], Moscow, pp. 5–32.
  27. *Paducheva E. V.* (2004), Dynamic models in lexical semantics [Dinamicheskie modeli v semantike leksiki], *Languages of Slavic culture* [Yazyki slavyanskoy kul'tury], Moscow.
  28. *Rhodes R.* (2009), A Cross-linguistic Comparison of Tautological Constructions with Special Focus on English, available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf
  29. *Russian National Corpus* [Natsional'nyy korpus russkogoazyka], available at: www.ruscorpora.ru
  30. *Sannikov V. Z.* (2008), Russian syntax in a semantic-pragmatic context [Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve], *Languages of Slavic cultures* [Yazyki slavyanskikh kul'tur], Moscow.
  31. *Shimchuk E., Shchur M.* (1999) *Dictionary of Russian particles* [Slovar' russkikh chastic], *Berliner Slavistic works* [Berliner slavistische Arbeiten], Vol. 9, Frankfurt am Main.
  32. *Serov V. V.* (2003), *The Encyclopedic dictionary of proverbial words and expressions* [Enciklopedicheskiy slovar krilatikh slov i virazheniy], Lokid-Press, Moscow.
  33. *Snider T.* (2015), Using tautologies and contradictions, *Proceedings of the 19th Sinn und Bedeutung*, Vol. 19, pp. 590–607.
  34. *Sonnenhauser, B.* (2017), Tautologies at the interfaces: Wer kann, der kann, *Journal of Pragmatics*, Vol. 117, pp. 16–28.
  35. *Trishin V. N.* (2013), *Dictionary Catalog of Russian Language Synonyms* [Bolshoy russkiy slovar'-spravochnik sinonimov], available at trishin.net
  36. *Uryson E. V.* (2011), *Description of the Semantics of Conjunctions: Language Data on Conscience Activity* [Opyt Opisaniia Semantiki Soiuzov: Dannye Iazyka o Deiatel'nosti Soznaniia], *Yazyki Slavyanskikh Kultur*, Moskva.
  37. *Vilinbakhova E. L.* (2016), Coordinated tautologies in Russian [Sopostavitel'nyie tautologii s russkomazyke], *Topics in the study of language* [Voprosy Jazykoznanija], Vol. 2, pp. 61–74.

38. *Ward, G. L., Hirschberg J.* (1991), A Pragmatic Analysis of Tautological Utterances, *Journal of Pragmatics*, Vol. 15 (6), pp. 507–520.
39. *Wierzbicka A.* (1987), Boys Will Be Boys: ‘Radical Semantics’ vs. ‘Radical Pragmatics’, *Language*, Vol. 63 (1), pp. 95–114.
40. *Wierzbicka A.* (1991), *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*, Mouton de Gruyter, Berlin; New York.
41. *Yanko T. E.* (2001), Communicative strategies of Russian speech [Kommunikativnye strategii russkoj rechi], *Yazyki Slavyanskikh Kultur*, Moskva.
42. *Zaliznyak A. A. Paducheva E. V.* (1975), Towards the typology of relative sentences [K tipologii odnositel'nogo predlozheniya], *Semiotics and Informatics [Semiotica i informatica]*, Vol. 6., pp. 51–101.